

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г96

Серийное оформление — *Яна Паламарчук*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Гусейнова, Ольга.

Г96 Единственная : [роман] / Ольга Гусейнова. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Любовь внеземная).

ISBN 978-5-17-114328-2

Выпускница престижной Академии, ксенолингвист Таяна Синичкина в один не самый прекрасный день решила стать первооткрывателем новых миров. Увы, миссия провалилась в черную дыру, причем буквально. А дальше сплошные неприятности: вместо спасения, попала в плен к жестоким инопланетянам и только собралась бежать, встретила других пришельцев. Да еще каких, боевых — космический десант! Пока освобожденная пленница вместе с новыми знакомыми ждет космический корабль для эвакуации, случиться может многое, особенно, если командир десантников молод и хорош собой...

Кто знает, сможет ли он остаться равнодушным к прекрасной землянке?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114328-2

© О. Гусейнова, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*С огромной благодарностью
моим терпеливым читателям,
а также верным помощникам:
Вере Борисковой и сестре Юлии.
Вы — мои главные Музы
и вдохновительницы
на литературные подвиги!*

Множество парящих гравиплатформ на фоне прекрасного, бесконечно голубого неба Земли с белыми пушистыми облаками. Команды замерли навтытяжку возле шаттлов, которыми нас отправят на орбиту к межзвездникам. На больших голограммах меняются изображения потрясающей красоты и яркости — запредельное световое шоу с элементами истории человечества, призванное украсить праздник в честь начала грандиозной миссии по освоению Вселенной.

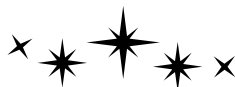
Выше других парила гравиплатформа, на которой расположился весь цвет руководства Межзвездного флота Земли, большей частью подразделений исследования дальнего космоса. Солнечные лучи отражались на множестве золотых знаков отличий этих достойных людей, известных в тридцати пяти открытых мирах.

Пожилой, седовласый, весьма представительный адмирал, облаченный в белоснежную, расшитую золотыми

позументами форму, громким, невероятно уверенным голосом вещал: «Шестое мая шесть тысяч сто шестого года — запомните эту дату. Ведь именно сегодня мы начинаем новую эру исследований и открытий. Именно вы ее вестники. Пятьдесят один корабль с лучшими специалистами и учеными, сплоченными командами, как нельзя лучше подобранными вместе. Вам покорится дальний космос и неизведанное. Вы те, чьими именами потом назовут открытые планеты. А может, и целые планетарные системы».

Камеры запечатлели участников ближайшей команды. Суровые лица тринадцати военных в черной форме, или чертова дюжина, неизменная на каждом судне миссии. Далее командор корабля и голограмма четверых членов экипажа, находящихся в рубке, которые управляют полетом и занимаются технической частью. Выглядят совершенно бесстрастными — привыкли к дальним путешествиям и торжественным проходам. Форма у них темно-синего цвета. Замыкали ряд шестеро ученых, специалистов различных областей — «ботанов», как покровительственно называли меж собой военные и летный состав ученых, одетых в темно-серые костюмы. В отличие от «воjak» и «летунов», как за глаза «в отместку» назвали их ученые, на некоторых из них серая форма сидела мешковато, без особого лоска, присущего людям в погонах. Да и сами ботаны порой, кажется, забывали стоять по стойке «смирно» и расслабленно улыбались с экрана.

Адмирал продолжал вдохновенную, пафосную речь: «Сейчас на вас смотрят представители тридцати пяти известных нам миров. Наши добрые партнеры, верные соратники, хорошие соседи. Они, как и мы, ждут от этой миссии результатов, открытий, вложили в общее дело много ресурсов и труда. Так давайте докажем всем, что

на землян всегда можно положиться. Мы лучшие, смелые, нам море по колено и горы по плечо.

Я убрала громкость и рассматривала лица, знакомые и незнакомые... такие далекие. Любовалась голубым небом, зелеными террасами, веселой толпой самых разных граждан Земли, дружно махавших руками, флажками, плакатами. Они — наблюдатели, а мы — непосредственные участники миссии.

По моей щеке скатилась слеза: как же так случилось, отчего, почему?

Перед глазами менялись любимые с детства виды Земли, а в мыслях я вспоминала именно тот день. Почему тогда во мне ничего не дрогнуло, предупреждая о грядущей беде? Не отговорило?

Хотя... за год до этого погибла моя семья, вся! По какому-то злому року, в результате разрыва гравитоннеля, погибли родители, родственники и друзья семьи, в тот момент собравшиеся в нашем поместье на праздничный прием в честь дня рождения моей прабабушки. И не только они. А я... Я опоздала на это торжество всего на полчаса: в академии задержали, пока вручали документы выпускникам, пока напутствовали. Тридцать минут разделили мою жизнь на до и после...

Тогда я с цветами, купленными впопыхах по дороге, подлетела к родному дому и — не узнала его. Там, где был красивый, цветущий сад, украшенный и подсвеченный в честь большого приема, зияла огромная развороченная воронка. Из нее, словно гигантский полоз, торчали вагоны межконтинентального метро, по которому они двигались со сверхзвуковой скоростью благодаря гравитоннелям. Поэтому разрушения в момент аварии были колоссальными. Состав вырвался из-под нашего дома, смел все вокруг на километр. Соседям тоже досталось. Трагедия унесла жизни более трех тысяч пассажи-

ров поезда и свыше пятисот человек наверху. Девяносто восемь из них — моя родня, собравшаяся на юбилей прабабушки. Ей исполнилось сто лет...

Мой ад продолжался дальше. Едва похоронила родню, меня атаковали десятки поверенных и семейных адвокатов, а я... Что я могла? Все компенсации и страховки, которые получила, став единственной наследницей, ушли на погашение долгов родственников. Кто-то задолжал рабочим и поставщикам на своих предприятиях, кто-то набрал кредитов, даже игральные долги, кто-то кому-то что-то обещал... Много чего было, в том числе странного и немыслимого.

Я только успевала отбиваться от кредиторов и проходимцев, которые, узнав о компенсации, широко освещаемой всеми СМИ, слетелись со всей галактики, словно стая стервятников. Пришлось мне, совершенно не разбиравшейся в бизнесе вчерашней беззаботной студентке, раздавать, платить, возмещать, погашать. Я чувствовала себя беззащитной и беспомощной, чудовищно одинокой и несчастной. Стараниями семейного адвоката через полгода после трагедии и полного сиротства меня не обобрали до нитки. Осталась изуродованная земля, на восстановление которой уйдет не менее года; квартира в центре столицы, подаренная год назад родителями; весьма скромный счет в банке, с которым с голоду не умрешь, и только. Зато я абсолютно, просто девственно чиста от любых долгов, прискорбно, что и от родственников.

И вот именно тогда, устроившись с бокалом красного вина на террасе своей престижной квартиры, кутаясь в пушистый плед от осеннего ветра, я увидела новости. Завершался набор участников миссии «Звездный веер». Программу этой экспедиции представили общественности еще три года назад, просто раньше она меня

не интересовала, особенно последнее время. И вот, кажется, миссия скоро стартует.

В Центральную академию Земли приходили запросы с целью найти желающих стать участниками «Звездного веера», и мне, как одному из лучших ксенолингвистов, тоже предложение поступало. Правда, когда я поделилась с родителями этой новостью, отец категорически отверг мое участие в «подобной авантюре». Однако, оставшись круглой сиротой, не в силах справиться с тоской по родным и близким, столкнувшись с невиданным ранее отношением себе подобных в то время, когда была не в силах сопротивляться, а меня целенаправленно давили, унижали, обирали, преследовали, — призадумалась.

На экран визора впервые за полгода я смотрела с интересом, а не с отвращением. Тогда мне хотелось сбежать от всех людей, проблем и в первую очередь от душевной боли. Идея отправиться в космос показалась заманчивой. Я тут же обратилась в Адмиралтейство Звездного флота, в отдел, который занимался набором участников.

Видимо, так хотели звезды: тестирование и всевозможные проверки я прошла — молодая, физически, генетически и психически здоровая. Еще бы, каждый мой родственник гордился чистотой крови и отсутствием популярных уже несколько столетий, целенаправленных, множественных мутаций. Даже личная трагедия помогла пройти отбор — мне показалось, что сиротство было благоприятным фактором при тестировании. Окончательно прийти в себя помогли следующие полгода подготовки.

Потом торжественная церемония — и наш межзвездник в составе двадцати четырех членов экипажа вышел в открытый космос.

«Звездный веер» — миссия веерной рассылки пятидесяти одного корабля в неизученные глубины космоса. Небольшие, но прекрасно укомплектованные корабли с мощными реакторами самых последних, но досконально испытанных разработок. Благодаря им путешествие между открытыми мирами — дело всего лишь недель, а не месяцев или даже лет.

И вот мы здесь, где именно, правда, так и не узнали, но где-то далеко — однозначно. Только обратной дороги не существует.

За год пути в неизвестность было много интересного, необычного, нового, удивительных открытий. Потом командор принял решение вернуться. Ресурсов корабля осталось на обратную дорогу. Но мы не смогли! Может, Хойт Кроу, пилот-весельчак, слишком часто посылал всех в черную дыру, а руководитель ботанов, ксенобиолог Черч Номэ, любил частенько порассуждать о так и не изученном феномене появления червоточин, но именно с ней мы и столкнулись.

Точнее, в какой-то момент космическое пространство словно разорвалось — и нас, будто в воронку, затянуло в пространственно-временную дыру. Попытка выскочить, чтобы спастись, не удалась, только усугубила наше положение. Создание и наращивание мощного энергополя для скачка и влияние полей червоточины чуть не разрушили сам корабль.

После того как корабль наконец выкинуло из воронки «где-то там» и экипаж пришел в себя, выяснилось, что в переделке, в которой мы побывали, уцелели далеко не все. Из двадцати четырех членов экипажа выжили лишь девять. Повезло тем, кто умер сразу! Об этом «везунчики» узнали немного позже.

— Таяна, Хойт, подойдите, пожалуйста, в салон, — прозвучал усталый голос Резникова по громкой связи.

Я еще некоторое время глядела на экран, где мелькали кадры моей прошлой жизни, вытерла слезы и приподнялась на кровати. С каждым днем двигаться хотелось меньше, а заснуть и не просыпаться — больше. Медленно спустила ноги с койки, обулась, одернула, к счастью, немнущуюся и взятую из никому теперь не нужных запасов чистую серую форму ботана — слегка облегающие брюки самого простого фасона и короткую куртку, застегивающуюся под горло. Откинула за спину длинный, уже порядком спутанный хвост светлых волос и вышла из каюты, едва не волоча ноги: силы утекали по капле, но беспрестанно.

Коридор, освещаемый тусклым светом, опять напомнил мрачное, гнетущее подземелье — у поврежденного в червоточине реактора со временем, один за другим неизбежно отказывали энергоблоки, приходилось экономить буквально на всем, отключать отсеки для сохранения энергии. Я невольно передернулась и обняла себя за плечи.

Еще больше угнетал вид второго помощника командора Дмитрия Резникова, ожидавшего меня в салоне. Некогда аккуратная, хорошо сидевшая на нем синяя форма теперь в неряшливых пятнах и разводах и свободно болтается. Сейчас он единственный, кто все время проводит, хоть как-то устраняя вал проблем, связанных с неисправностями корабля, сыплющимися как из рога изобилия. А ведь совсем недавно ему помогала неразлучная парочка: навигатор Дарья и инженер Михаил — веселые влюбленные супруги... были. Две недели назад они покончили с собой...

Равнодушно, покорно судьбе я спросила:

— Что-то еще случилось?

— Ты починил блок навигации? — чуть более эмоционально поинтересовался пришедший следом за мной Кроу.

Хойт Кроу — пилот корабля — раньше тоже вместе с Резниковым ремонтировал проводку, копался с оборудованием, придумывал, как спастись, а теперь походит на полутруп. Умереть — смелости нет, а жить — желания.

— Нет, Даннарт основательно поработал над дисплеем и внутренним блоком — уничтожил все качественно, — констатировал Резников.

— Вот скотина, — равнодушно, скорее по привычке, выругался Хойт. — Сходил бы с ума в одиночку — так нет, решил и нас приобщить. Нет бы, как Верона, тихонько вены в каюте перерезать, никому не мешая, — этот идиот решил сдохнуть феерично, с искрами и жареной корочкой. Придурок.

Мысленно я согласилась с ним. Жан Даннарт — один из офицеров группы сопровождения — во время «перехода» сильно ударился головой и в результате получил повреждение мозга. Выжить выжил, но после натворил немало бед, усугубив и так критическое положение. Да что там, сделал его катастрофическим. Убил своего командира за приказ, отданный не тем тоном, а потом выбрался из карцера, куда его посадили от греха подальше, и разгромил рубку, тем самым уничтожив системы управления и навигации, еще хоть как-то функционировавшие. Заодно и сам поджарился, и рубка безнадежно провоняла.

Теперь наш межзвездник — консервная банка, которая неизвестно куда движется. А мы, как просроченная рыба в собственном соку, мучаемся и тухнем.

— О мертвых либо хорошо, либо никак, — с досадой оборвал Хойта Резников.

Мы все уважали первого помощника командора — человека сильного, надежного, умного, достойно ведущего себя даже перед лицом смерти. Ему всего сорок

два, молодой, с учетом того, что люди живут до ста двадцати. Представительный, статный, симпатичный, тоже блондинистый мужчина. Мне двадцать три, но при этом ко мне он относился как к дочери. Ласково, по-отечески трепал по макушке. Сначала все решили, что он увлекся мной, даже я тогда почувствовала себя неловко, но довольно скоро разобрались, что совсем не страсть или любовь были причиной его заботы.

Случайно кто-то из экипажа увидел в каюте Резникова голограмму его семьи, где он обнимал женщину и девочку, походившую на меня. Потом мы узнали, что Резников разведен, дочь давно не видел — жена не позволяет.

За год в экспедиции мы хорошо узнали друг друга. Казалось, все двадцать четыре члена экипажа стали роднее родных. А после встречи с червоточиной оставшиеся в живых девять человек еще и досконально познакомились с недостатками друг друга, в полной мере проявившиеся за полгода космического дрейфа, изнурительной борьбы за выживание. Кто-то, как Резников, остался человеком чести до последнего, бойцом! Или, как бывший весельчак Хойт Кроу, а ныне нытик и ворчун, психологически сдался, однако смерть его еще пугает. Или, как я, со временем превратился в созерцателя. Жить хочется до дрожи, но сил на борьбу просто нет, и как спастись, не представляла.

— Ну, и зачем нас позвали? — вяло возмутился Хойт. — А где Анна? Опять поминает Монтенеску? Скоро белочек ловить начнет. Столько пить, да еще на голодный желудок!

— Анна ушла за Монтенеску, — поморщился Резников.

— Куда ушла? — одновременно переспросили мы с Хойтом.

Впервые за все время помощник командора сорвался на крик:

— Куда-куда, в открытый космос! Напилась до неменяемого состояния, видимо, и пошла своего любимого Ивара искать. Я нечаянно заметил, когда экранами наружными занимался. Она как раз мимо... «проходила».

Я осела на пол и, обняв себя руками, всхлипнула:

— Это какое-то безумие! Когда уже все закончится?

Резников отвернулся, нервно потер голову обеими ладонями, явно умиряя секундный порыв выдрать волосы. Затем устало, сраженно опустил на ближайший стул.

Хойт привалился плечом к двери, словно не осталось сил сделать шаг в некогда замечательный, уютный салон исследовательского судна. Это так называемое место психологической разгрузки специально сделали удобным, в приятных глазу тонах, с мягкими диванами, позволяющими телу расслабиться, со столами, над которыми плавали трехмерные изображения любых объектов, — все возможное, чтобы участники длительной экспедиции могли отдохнуть, пообщаться и обсудить животрепещущие вопросы.

Наконец Резников глухо произнес:

— Я вынужден признать: восстановить навигационную систему корабля не в силах. Мы слепы как кроты. Что не уничтожила червоточина, доломал Даннарт. Вернуться домой мы не можем...

— Еще бы знать, в какой точке мы и в какой вселенной наш дом, да? — ядовито процедил Хойт.

Помощник командора посмотрел на пилота, хотел ответить жестко, но, устало опустив плечи, продолжил так же глухо:

— Воды хватит на неделю максимум. Если экономить еще больше.

— Больше некуда, пить хочется постоянно, вода хоть как-то глушит голод, — пожаловалась я.

— А еды... — Резников тяжело вздохнул и признался: — Я полностью разобрал установку, чтобы выгрести остатки. Есть больше нечего.

— Значит, скоро съедим Тайку, — усмехнулся Хойт.

Я испуганно посмотрела на него — поверила безоговорочно. История человечества знает немало примеров, когда ради выживания и в голод люди поедали себе подобных.

Резников тяжелым взглядом смерил «людоеда» и возразил с нажимом:

— Предлагаю быть людьми. Нас осталось трое. Судно умирает, пищи нет, вода на исходе. Воздуха хватит, конечно, на дольше время, но это лишь продлит агонию.

— Что вы предлагаете? — сипло спросила я, подсолнательно уже зная ответ.

— Я активировал нулевой код...

— Программу самоуничтожения, как только на корабле не останется ни одного живого человека? — уточнила я.

— Да.

— Да какая разница, что станет с этой железякой, когда мы все помрем? — раздраженно махнул рукой Хойт.

Я в недоумении посмотрела на пилота. Даже мне, ксенолингвисту, понятно: на корабле слишком много информации, тысячи образцов, взятых на новых планетах. Мои мысли подтвердил Резников:

— Если ты умираешь, это не значит, что мы должны подвергать угрозе свой мир. Наша железяка может дрей-